

УДК 94(420)
ББК 63.3(4)5

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ АНГЛИИ НА ФОНЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ В XVI ВЕКЕ

А.А. Морозов

Аннотация. На социально-экономическое развитие Англии XVI века влияли изменения в мировой хозяйственной системе. Упадок средиземноморского региона привел к перемещению торговых путей в северо-западную Европу, где ведущие роли стали играть такие страны, как Швеция, Голландия и Франция. После захвата турками Константинополя в 1453 году, оказались заблокированными все прежние торговые пути, прекратилась даже торговля сахаром через Александрию и Каир. С одной стороны, это привело к кризису старейших, прежде всего германских, фирм и созданию благоприятных условий для завоевания новыми лидерами европейских рынков. С другой стороны, эти новые условия стимулировали поиск обходных путей на Восток, что впоследствии предопределило старт первых кругосветных путешествий.

Ключевые слова: торгово-финансовая операция, социально-экономическое развитие, капиталистические отношения.

CHANGES IN THE ECONOMY OF ENGLAND AGAINST THE BACKGROUND OF MOVING THE TRADE WAYS TO NORTHWESTERN EUROPE IN THE XVI CENTURY

303

А.А. Morozov

Abstract. The socio-economic development of England was influenced by the objective conditions of the changed world economic system. The decline of the Mediterranean region led to the relocation of trade routes to north-western Europe, where such countries as Sweden, Holland, and France began to play leading roles. After the Turks seized Constantinople in 1453, all the former trade routes were blocked. Even the sugar trade through Alexandria and Cairo stopped. On the one hand, this led to the crisis of the oldest, primarily Germanic, firms and the creation of favorable conditions for conquering the new leaders of the European markets. On the other hand, these new conditions stimulated the search for alternate routes to the East, which subsequently predetermined the start of the first round-the-world trips.

Keywords: Trade and financial operation, social and economic development, capitalist relations.

К середине XVI в. Англия была еще относительно слабым государством Европы по сравнению с такими континентальными грандами, как Испания или Франция. Население страны к началу изучаемого периода не превышало 4,5 млн чел., что уступало той же Франции более чем в 3 раза. При этом следует иметь в виду, что 75% населения страны составляли сельские жители [1, с. 16]. По уровню мореходства, техническим достижениям, финансам Англия значительно уступала лидеру буржуазного развития Европы — Голландии. Здесь, правда, уместно отметить, что по уровню и темпам хозяйственного развития в этот период Голландия не знала себе равных.

Наиболее процветающим было рыболовство, которое не только обеспечивало население продуктами питания, но и поставляло государству квалифицированных моряков для решения внутригосударственных логистических задач. За это Елизавета должна была благодарить своего отца, принявшего «Акт для поддержания флота» еще в 1540 году.

Каботажный флот обеспечивал связь Лондона с северными портами, откуда в столицу поступало топливо для обогрева жилищ, а рыболовные суда Корнуолла и Девона, помимо лова в прибрежных районах, отплывали в тяжкое путешествие за треской к далекому Ньюфаундленду.

Если добавить сюда относительно слабую английскую политику, агрессивную внешнюю политику страны (имеются ввиду колониальные захваты в Ирландии, Северной Америке), распространение фаворитизма при последних Тюдорах и первых Стюартах (вливавшего как на

внутреннюю, так и на внешнюю политику), значительный вес в обществе мелкопоместного дворянства (джентри) и свободного крестьянства (йоменри), и, напротив, слабость родового дворянства (пэрства), особенно, в парламенте («кровавое законодательство») [2, с. 236], то станет ясно, что ситуация в Англии к концу XVI века была довольно сложной.

Не менее проблематичным был и «ирландский вопрос», который серьезно тормозил развитие государства, причем не только сложностью решения аграрной проблемы, но и обострением межконфессионального противостояния. Своеобразным барометром внешнего давления на Англию может служить реакция иезуита Т. Уолфа, присланного для надзора от папской курии. В своем докладе об Ирландии для папы Уолф указывал на распространение среди ирландцев пророчества о том, что гибель Англии, якобы, должна начаться в Ирландии. «Там говорят, — общал он, — что тот, кто хочет победить Англию, пусть начинает с Ирландии» [3, с. 89].

Ирландская проблема была особенно актуальна для Англии в связи с ее морскими надеждами. Известный пропагандист морской экспансии Англии и собиратель документов об английских путешествиях и открытиях Ричард Гаклюйт в своем сочинении о торговле Англии с Америкой, поданом Елизавете I в 1584 г., прямо утверждал, что подчинение Ирландии Англии непосредственно касается проникновения англичан в Северную Америку и торговли с ней. «Ирландия богата гаванями на южном и западном побережьях и является ближайшей к Америке частью Европы», — от-

мечал он в доказательство этого утверждения [там же, с. 91].

Кроме того, ассимиляция и аккультурация ирландской общины в английское общество снимала одну из главных проблем — необходимость противостоять единому католическому миру. То, что такая угроза существовала, подтверждает высказывание одного из фаворитов Елизаветы I Уолтера Рэйли: «в Ирландии и Шотландии враги могут наиболее легко найти пути и средства для нашего уничтожения» и, только надежно заперев эти «потайные ворота в Англию», можно надеяться «отразить опасность вторжения католических сил в страну» [там же, с. 98].

Тем не менее, капиталистические формы хозяйствования с середины XVI в. стали активно внедряться в экономическую жизнь Англии и охватили, прежде всего, традиционные формы производства. Любопытно, что новые формы хозяйствования стали появляться, в первую очередь, в тех отраслях, где требовался значительный первоначальный капитал: «Всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать споры между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева», — свидетельствует создатель политэкономии Адам Смит [4, р. 237]. На первое место следует поставить добычу каменного угля. За столетие 1540–1640 гг. она увеличилась с 200 тыс. до 1,5 млн т. в год, что в 3 раза превышало добычу во всей остальной Европе [3, с. 92].

В XVI в. в 6-8 раз увеличилась добыча свинца, олова, меди, в 3 раза возросла выплавка железа. В техническом отношении эти отрасли английского производства уступали

германским, но наличие дешевой рабочей силы делало эти отрасли высокодоходными. Шерстяная промышленность также делала большие шаги вперед. Производились как тонкие сукна на экспорт, так и грубые для внутреннего рынка. Причем концентрация рабочей силы в данной отрасли была колоссальной. Например, на Уильяма Стама работали 2 тыс. чел., на Томаса Рейнольдса — около 500 и т.п. Однако наиболее распространенной формой организации труда являлась все же рассеянная мануфактура.

Зависимость собственно промышленного производства от топливной базы во многом определили зоны строительства мануфактур. В отличие от Европы, где мануфактурное производство было тесно связано с городом, в Англии производственными площадками стала деревня. Сельская местность обладал рядом преимуществ. Во-первых, предложение рабочей силы в деревне было большим, чем в городе, и десятки тысяч безземельных бедных крестьян, а также крестьяне, имеющие небольшие земельные владения, брались за любую возможность заработать. Заработная плата, при высокой степени пауперизации сельского населения, была на 50-75% ниже, чем в городах.

Не последнюю роль в выборе места организации мануфактуры сыграли и меркантильные интересы предпринимателей. Арендовать или покупать целое здание для обустройства мануфактуры в городе было дорого. Гораздо проще и дешевле было распространять сырье по домам, а иногда сдавать внаем станки и прочее оборудование. С правовой точки зрения, со временем, это потребует урегулирова-

ния правительством предпринимательских и трудовых отношений.

С точки зрения промышленного прогресса данный способ организации была тупиковым и бесперспективным путем, так как производительность росла не за счет внедрения новых технологий и усовершенствованных машин и механизмов, а за счет увеличения рабочей силы. С другой стороны, наличие определенного трудового опыта и профессиональных навыков в домашнем ремесле не требовал затрат на переподготовку рабочих. Наибольший эффект этот фактор имел в суконной промышленности.

Причина превалирования именно данного типа производства проста. Начиная с 1563 г, а именно с принятия «Елизаветинского статута» об ученичестве, запрещалось иметь под одной крышей более 2 станков. И нельзя было совмещать в одном месте ремесленников разных специальностей [5, с. 107]. Перспектив развития производства в сельской местности было несравненно больше. В городах, несмотря на слабость цеховых организаций, за соблюдением этого статута пристально следили. «Собственность — вот дух законов», — отмечал Линге [6, р. 236].

За каждым фрименом признавалось право переменить профессию. Не существовало и запрета торговать самыми разнообразными товарами, строго очерченной группы товаров для торговли, строгой регламентации. Право торговли различными товарами открывало возможности для проникновения в профессионально-чуждую корпорацию. Еще в конце XIV в. господствующее положение в Лондоне твердо удерживали

купцы, обеспечивающие городскую общину продуктами питания. Они были объединены в несколько гильдий, важнейшими из которых являлись бакалейщики, виноторговцы, рыботорговцы.

Тогда же в Лондоне шла, то затухая, то разгораясь, борьба между гильдиями, продававшими продукты питания, и теми купеческими объединениями, члены которых занимались торговлей различными тканями, прежде всего сукноторговцами. Следует оговориться, однако, что купцы Лондона пользовались большой свободой в своей торговой деятельности.

Гильдия, город и ремесло были тесно связаны друг с другом. Напротив, за пределами города не существовало ни одной гильдии, она теряла свои права на расстоянии одной мили от промышленного или административного центра. Поэтому тот, кто не мог обойти мастера гильдии в городе, мог попытаться своего счастья в деревне. Кроме того, в сельской местности были еще два существенных преимущества. Предложение рабочей силы в деревне было даже большим, чем в городе. Десятки тысяч безземельных крестьян-бедняков брались за любую возможность заработать.

Взаимосвязан с подобной экономической структурой еще один комплекс проблем. Внутренний общепользуемый английский рынок за период средневековья сложился в непохожую ни в одной стране структуру. Дело в том, что вся хозяйственная и политическая жизнь страны была замкнута на Лондон. Он являлся не только административной столицей королевства, но и, фактически, единствен-

ным торгово-промышленным и финансовым центром. По численности его население в 200 тыс. чел. превосходило население всех портовых городов тогдашней Англии. В Дувре и Бристоле насчитывалось несколько тысяч человек, а Ливерпуль представлял собой простую рыбацкую деревню, как, впрочем, и весь Ланкашир — безлюдные болота и леса. Когда в 1636 г. Т. Вентворт лорд Страффورد — фаворит короля, обложил все портовые города корабельным сбором, то Ливерпуль давал 15, Честер — 100, Бристоль 2 тыс. ф. ст. в год. Для сравнения: пошлины на экспорт в начале XVII в. с Лондона составляли 160 тыс. ф. ст., а со всех прочих городов — всего 17 тыс. [7, р. 136]. И в дальнейшем рост этих городов был небольшим. Причин тому несколько.

Во-первых, в Англии вплоть до середины XVIII в. отсутствовали нормальные дороги. Артур Юнг, путешествовавший по окраинным графствам, отмечал наличие ям глубиной по 4 фута с грязью, камни и такую узость, «что мышь с экипажем не разминется» [4, с. 256]. Пригодными дорогами были только те, которые прокладывали римляне. И напротив, существовал удобный и дешевый каботажный транспорт. Баржи по Темзе, Кальдеру, Эйру и прочим рекам могли быстро доставить груз в любую точку страны или на побережье. Как говорили современники, в Англии из центра страны в любую сторону 60 миль до моря. Лондон, таким образом, занимал самое выгодное место. Сюда стекалось подавляющее количество угля и хлеба. С 1535 г. за столетие потребление хлеба в столице возросло со 150 кварте-

ров (1 квартал = 12,7 кг.) до 1 млн. 150 тыс. кварталов [8, р. 437].

Во-вторых, если можно так выразиться, наследственная память. Самая страшная демографическая катастрофа периода средневековья — эпидемия бубонной чумы 1348–1349 гг., которая свирепствовала по всей Европе и на 1/3 опустошила Англию, еще не была забыта. К тому же в XVI и XVII вв. эпидемии «черной смерти» постоянно повторялись. Причем в городах это несчастье проявлялось особенно сильно. Так было в быстрорастущем Лондоне, в котором отсутствовали канализация, водопровод, уборка мусора и т.п. В 1603 г. здесь умерло 42 тыс. чел., в 1625 г. — 54 тыс. и, забегая вперед, в 1665 г. — более 97 тыс. чел. [9, с. 136] (против естественных смертей в предыдущие периоды: в 6, 9 и 16 тыс. соответственно).

Крестьянство, конечно, предпочитало жить в местах более здоровых и безопасных, а детская смертность в городах в среде малообеспеченных семей была на порядок выше, чем в деревне.

В результате, в Лондоне сосредоточились крупнейшие состояния Англии, с помощью которых их владельцы установили контроль над внутренней и внешней торговой деятельностью страны.

Но если царствование Елизаветы не было великим веком для паров, то оно было великим веком для джентри. Численность их, богатство и влияние возрастали вследствие упадка старой аристократии, стоявшей между ним и короной [10, с. 200]. Кровавый передел земель монастырских имений, оживление торговли и улучшение способа обработки земли. Сквайр времен Тюдоров был винти-

ком общего механизма деятельного сообщества.

Уже в XVI в. в феодальном классе формируется социальная группа, судьба которой не совпадает с судьбой «старого дворянства», так называемое новое дворянство (джентри). Именно ему было предназначено сыграть большую роль при Тюдорах. Понятие «новое» используется для обозначения этой группы не потому, что эти люди имеют новое происхождение, а, главным образом, потому, что они хозяйствовали по-новому, у них были иные мотивы и методы ведения хозяйства. Развитие товарного хозяйства, участие в нем крестьянства увеличивают и ускоряют давно начавшуюся дифференциацию в деревне. Все более крепнет зажиточное крестьянство, эксплуатирующее наемный труд и своим верхним краем соприкасающееся с дворянством.

Сельский джентльмен — в представлении современников, да и в своих глазах, мелкий лендлорд — резко противопоставлялся крестьянину, вплоть до покроя одежды. Однако сразу стать джентльменом не мог даже богатый человек, если он был «низкого» звания.

Некоторые из них довольствовались получением рент, плат по различным повинностям, кто-то вел хозяйство, имея доходы с различных угодий — лугов, пастбищ, лесов, от мельниц, овчарен. Были и такие, кто обладал правами сеньора, тогда ему шли доходы от омажа, рельефа, опека, брачных поборов, выморочных прав.

Таким образом, отмеченные выше тенденции свидетельствовали о том, что в конце первой половины XVII в. в Англии шел процесс постепенного складывания единого вну-

тренного рынка на основе товарно-денежных отношений, что, в свою очередь, создавало условия для формирования нации. Английская история этого периода, с одной стороны, — это мощные политические конфликты, упадок «старых городов», разрушение системы цехового ремесла, сеньориально-барщинного манориального строя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Массимо, Ливии Баччи.* Демографическая история Европы [Текст] / Ливии Баччи Массимо. — М.: Изд. дом: Александрия, 2010. — 62 с.
2. *Маркс, К.* Капитал [Текст] / К. Маркс. — М., 2015. — 774 с.
3. *Сапрыкин, Ю.М.* Английское завоевание Ирландии XII–XVII в. [Текст] / Ю.М. Сапрыкин. — М.: Высшая школа, 1982. — 176 с.
4. Юнг Артур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Текст] — СПб., 1890–1907.
5. *Лавровский, В.М. Барг, М.А.* Английская буржуазная революция [Текст] / В.М. Лавровский. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. — 366 с.
6. *Linguet, N.* Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe [Text] / N. Linguet. — London, 1767. — 470 p.
7. *Татарина, К.Н.* Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. [Текст] / К. Татарина. — М.: Издательство Института международных отношений, 1958. — 456 с.
8. *Smith, A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [Text] / A. Smith. — Edinburgh, 1814. — 518 p.
9. *Урланис, Б.Ц.* Рост населения в Европе [Текст] / Б. Урланис. — Госполитиздат, 1941, 436 с.
10. *Тревелиян, Дж.* История Англии от Чосера до королевы Виктории [Текст] / Дж. Тревелиян. — Смоленск: Русич, 2005. — 624 с.

REFERENCES

1. Lavrovskij V.M., Barg, M.A., *Anglijskaya burzhuaznaya revolyuciya*, Moscow, Izdatel'stvo socialno-ehkonomicheskoy literatury, 1958, 366 p. (in Russian)
2. Linguet N., *Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe*, London, 1767, 470 p.
3. Marx K., *Kapital*, Moscow, 2015, 774 p. (in Russian)
4. Massimo Livii Bachchi., *Demograficheskaya istoriya Evropy*, Moscow, 2010, 62 p. (in Russian)
5. Saprykin Yu.M., *Anglijskoe zavoevanie Irlandii XII–XVII v.*, Moscow, Vysshaya shkola, 1982, 176 p. (in Russian)
6. Smith A., *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, Edinburgh, 1814, 518 p.
7. Tatarinova K.N., *Ocherki po istorii Anglii 1640–1815 gg.*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnyh otnoshenij, 1958, 456 p. (in Russian)
8. Trevelyan Dzh., *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii*, Smolensk, Rusich, 2005, 624 p. (in Russian)
9. Uralnis B.C., *Rost naseleniya v Evrope*. Gospolitizdat, 1941, 436 p. (in Russian)
10. Yung Artur, *Enciklopedicheskij slovar Brokgauza i Efrona*, Saint Petersburg, 1890–1907. (in Russian)

Морозов Александр Алексеевич, аспирант, кафедра новой и новейшей истории, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, a.morozov.87@list.ru

Morozov A.A., Post-Graduate Student, Modern and Contemporary History Department, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, a.morozov.87@list.ru